

Марк Польшковский

(р. 1946 в Петрозаводске)

МОЯ ВАЛГА

Отрывок из "Искры памяти" (журнальный вариант).
Литературный журнал "Начало" 2009, №8, Ашдод, Израиль.

Валга. Впервые меня привезли туда в самом нежном возрасте, когда мне было года 2-3. И с тех пор Валга вошла в мою жизнь и, несмотря на то, что давно уже ничто меня с ней не связывает, живет в моей памяти.

Валга - маленький городок на самом юге Эстонии. Знаменит он разве что тем, что посреди города проходит граница между Эстонией и Латвией.

Эстонскую Валгу и латышскую Валку разделяет Лягушачий ручей, который курица переходит вброд.

Когда-то это была настоящая государственная граница с пограничниками и соответствующим антуражем.

К слову сказать, теперь, когда эти страны снова стали независимыми, все вернулось на свои места: проверка паспортов, штампы в них о переходе через границу и, разумеется, вполне опереточные пограничники по обе стороны границы. В описываемую же мной пору граница существовала, но поскольку и Эстония, и Латвия

входили в состав СССР, то и граница между ними была формальной. Мы свободно ходили, бегали, ездили из Эстонии в Латвию и обратно. И это вносило заметное разнообразие в, вообще-то говоря, унылую и вяло текущую жизнь, как сказали бы в XIX веке, уездного городка.

В Валге жили папины родители. Они были врачами, закончившими Юрьевский (Тартуский) университет. В пору, доступную моей памяти, дедушка работал в латышской Валке. Иногда он брал меня с собой на работу. Помню одноэтажное приземистое здание, куда мы с ним заходили, где все были в белых халатах, но что это было: больница, поликлиника, амбулатория или что-то другое, - память не сохранила. Да и мог ли мой детский умишко разделить эти понятия?

Гораздо лучше я помню деда дома, сидящего за большим письменным столом в своем кабинете или ухаживающего за цветами в саду. Дед был довольно высокий (или так мне тогда казалось?), с усами. Его кабинет

мне казался буквально пропитанным какой-то тайной. В шкафу стояли книги, в основном, медицинские и преимущественно на немецком языке. Было несколько книг на идиш, но что это были за книги, мне, не знавшему ни языка, ни даже алфавита, было неизвестно. В другом шкафу располагались медицинские инструменты - тоже немецкие - в том числе большая рентгеновская лампа. Все это сверкало никелем и завораживало, возбуждая мое детское любопытство, желание подержать в руках или хотя бы потрогать. Но все это богатство запиралось на ключ и было недоступно моим детским ручкам, уже тогда проявлявшим достаточную сноровку по части разобрать и пощупать, что там внутри.

что-то вкусенькое, подчас недоступное обычному покупателю.

мне казался буквально пропитанным какой-то тайной. В шкафу стояли книги, в основном, медицинские и преимущественно на немецком языке. Было несколько книг на идиш, но что это были за книги, мне, не знавшему ни языка, ни даже алфавита, было неизвестно. В другом шкафу располагались медицинские инструменты - тоже немецкие - в том числе большая рентгеновская лампа. Все это сверкало никелем и завораживало, возбуждая мое

детское любопытство, желание подержать в руках или хотя бы потрогать. Но все это богатство запиралось на ключ и было недоступно моим детским ручкам, уже тогда проявлявшим достаточную сноровку по части разобрать и пощупать, что там внутри.

Бабушка работала в Валге эстонской. Она была врачом-терапевтом в поликлинике, которая располагалась на главной улице городка. Я очень часто бывал у нее в кабинете, а особенно мне нравилось встречать ее после работы, идти вместе домой, заходя по пути в магазины и покупая какие-то продукты. Бабушку в городе, казалось, знали все. По дороге мы останавливались поздороваться, а то и поболтать с кем-то из встречных, продавщицы в магазинах старались предложить

В Валге у бабушки и дедушки был свой дом. Мне он помнится большим и просторным, несмотря на свою «одноэтажность». В нем было шесть комнат, большие летняя и зимняя кухни. Парадный вход с улицы, как правило, был закрыт, пользовались им редко. В основном же пользовались входом со двора, примыкавшего к дому с его обратной стороны. Двор был достаточно большой, чтобы в нем играть, там же была устроена детская песочница. У стены дома была врыта большая скамейка, которую когда-то установили мы с папой. Между деревьями висел гамак, на траве ставилось раздвижное парусиновое кресло. Еще во дворе был врыт в землю столик, сделанный из большого мельничного жернова. Со стороны двора к дому примыкала пристройка, в части которой прежде располагался дедушкин врачебный кабинет, а в пору моего детства - просто сарай. Но в том сарае оставалось и врачебное оборудование: гинекологическое кресло, шкафы со стеклянными стенками, еще что-то. Хорошо помню настоящую карету, которая стояла во дворе напротив сарая. В этой карете я очень любил играть со своей двоюродной сестрой Региной, дочкой папиной сестры Сюты.

В конце двора была калитка, рядом с которой стояла собачья будка. Разумеется, была и собака, обыкновенная дворняга, но я о ней ничего не помню. За калиткой начинался сад. Это было то место, куда я бежал утром, только продрвав глаза, и где готов был провести всю оставшуюся жизнь. По моим детским представлениям, сад был огромным, там было много всего такого, что притягивало меня - то ли своей таинственностью, то ли просто возможностью убежать, спрятаться от всего мира и отдаться безраздельно своим детским тайнам и играм.

По всему периметру сада был малинник. Малина разрослась густыми кустами, в некоторых местах образуя «пещеры-гроты», о которых, конечно же, никто не знал и в которых можно было прятаться. С кустов свешивались и просились в рот красные безумно вкусные ягоды. С тех пор я люблю малину, и теперь не меньше, чем когда-то в детстве. В саду росли кусты смородины: черной, красной и белой. Там же рос красный и белый крыжовник. Было несколько яблонь с яблоками разных сортов, сливы - помню, как дед их сажал. А еще главное богатство - вишни и черешни. Как я любил забраться на большущее дерево с созревшими желтыми ягодами черешни и сидеть на нем, пока все ягоды в пределах досягаемости моих детских рученок не отправлялись в рот. Вот чего не было, так это клубники. У деда, а, возможно, и у бабушки тоже была на клубнику жуткая аллергия. Часть площади сада была отдана под огород. Меня интересовал только горох, созревшие стручки которого были большим лакомством. Позднее я познакомился и с бобами, любовь к которым осталась до сих пор. Их огромные стручки отваривались в соленой воде, после чего в ход, то есть в рот отправлялись и сами бобы, и отделенная от жилок мякоть стручков. Теперь я понимаю, что это очень хорошо с пивом, а в детстве было замечательно и без него.

Страстью бабушки были цветы. Со двора сад обрамляли кусты роз и шиповника. В саду же росли георгины и астры, анютины глазки. Когда сестричка Анютка подросла, она бегала вокруг клумбы и кричала: «Мои глазки! Мои глазки!» А еще были маки, покрывавшие клумбу сплошным красным ковром. Дед ухаживал за цветами, доставал какие-то необыкновенно красивые сорта. Когда его не стало, цветник захирел, впрочем, как и многое другое.

Для всего хватало места в саду. Были там две беседки, одна круглая типа ротонды, вторая же квадратная. Квадратная беседка, стоявшая в дальнем углу сада, была одним из моих убежищ. Там я проводил свои первые опыты над лягушками, которых было вокруг в изобилии. Я совершенно живодерским образом распластывал их на дощечке и вскрывал, изучая внутреннее устройство. Помню, что меня очень удивляла способность отделенного от остальных внутренностей лягушачьего сердца очень долго биться самостоятельно. Там

же в беседке хранились собранные мной разнообразные раковины улиток. Все это вызывало у меня огромный интерес, ушедший, как, впрочем, и многое иное, в песок, оставив по себе лишь детские воспоминания.

Дедушка и бабушка со своими детьми - Теодором и Сюттой (Цецилией)

...Жизнь в Валге резко отличалась от жизни дома в Петрозаводске и от жизни в Казани. Прежде всего, тем, что дом был всегда полон людьми. Кроме дедушки и бабушки, там постоянно жила Минна, их домработница, латышка, за долгие годы жизни в еврейском доме усвоившая все правила кашрута, еврейских праздников и прочих мелочей традиционного еврейского быта. Регинка, моя двоюродная сестра, из-за сложностей в семье, постоянно переезжавшей из одного города в другой вслед за отцом, бывшим по ту пору военным врачом, тоже постоянно жила у бабушки. В Валге она ходила в детский сад и позднее в школу. Опекала Регинку Моника, тоже латышка и тоже жившая в доме. На лето привозили меня, позднее и Анютку. Время от времени приезжали Сюта - Регинкина мама и моя любимая тетя, Макс - брат бабушки из Лиепайи, бывшей Либавы, еще какие-то родственники. Приходило множество друзей и знакомых - чуть ли не все евреи Валги были гостями этого дома. По вечерам садились играть в кункен - карточную игру, напоминавшую покер... Дом был по существу интернационален. В нем одновременно говорили на множестве языков: кроме русского и идиш, здесь звучали эстонский, латышский, немецкий языки, на которых дедушка и бабушка говорили свободно, с каждым объясняясь на близком ему наречии. Мне так и не удалось выучить ни один из этих языков (кроме русского, разумеется). Так и остались в моей памяти обрывки фраз и отдельные эстонские и латышские слова, позволяющие до сих пор обратиться к продавцу в магазине, но никак не вести связную беседу. А как жаль! Тогда уже я проявлял большой интерес к языкам, пытался самостоятельно их изучать, но настойчивости и усидчивости не проявил. Осталась только способность различать языки на слух, безошибочно определяя, откуда родом проходящие мимо туристы.

А еще Валга была «заграницей». Вывески на эстонском языке, параллельно на русском тоже, но параллельно. На улице, в магазинах разговор, в основном, по-эстонски. И Валга никогда не была голодной. Нет, нельзя сказать, что в Петрозаводске было голодно. Во всяком случае, наша семья никогда от голода не страдала, но все и почти всегда приходилось «доставать». А вот поволжская Казань была голодной традиционно. Туда всегда везли огромные сумки с продуктами. Дедушка с бабушкой, возвращаясь от нас или из других мест через Москву, волокли домой все: яйца, колбасу, сыр. Так же и мы по дороге в Казань загружались в Москве коробками с сотнями яиц, сумками с батонами колбасы, связками сосисок и сарделек, - всем, что можно унести на себе. Все это Валге было неведомо. С рынка приносили деревенский творог, лучше которого я не ел, оттуда же - сметану, желтую и густую настолько, что ложка в ней стояла. Магазины были полны свежайшими продуктами, которые предлагали вежливые одетые в белые халаты продавщицы. Никакой грубости, которой так славилась советская торговля.

Невозможно забыть бабушкины обеды. Она готовила сама, а когда была на работе, то Минна по ее рецептам и наставлениям. Сейчас я понимаю, что у бабушки готовили кошерную еду. Но это никогда не подчеркивалось, слово «кошерность» не произносилось. И все было замечательно вкусно. Овощные супы на молоке, творожные шарики с тмином, молодая вареная картошка с укропом, и на десерт «вакль-петер» - нечто напоминающее молочное желе с ванильным соусом. Набор блюд был разнообразен, не все они запомнились, но вкус многих из них до сих пор ощущается во рту, стоит только припомнить. Где вся эта прелесть детства? Ушла далеко и безвозвратно...

Не только продуктами Валга подчеркивала свою «заграничность». В книжном магазине военторга, где торговала бабушкина приятельница и мать моего друга Залика, всегда были книги, которые в Петрозаводске достать было невозможно. В другом книжном магазине, где был большой канцелярский отдел, я покупал тетради и дневники для школы. Они отличались своим видом и оформлением от обычных тетрадей и дневников советских школьников. Промтоварные магазины, магазины сувениров - все было иное. И одежда была другой, не той, которой торговали в Петрозаводске. Разнообразие подчеркивалось и тем, что, если чего-то не было в Эстонии, то в Латвии уж обязательно было.

В латышской Валке, сразу за Лягушачьим ручьем - границей, был лимонадный завод, откуда нам периодически привозили ящик лимонада, выпускавшегося в специальных бутылках с фарфоровой пробкой, закрепленной специальным рычажком на горлышке бутылки. Привозили лимонад и забирали ящик с пустыми бутылками на телеге, грохотавшей по булыжной мостовой. Вообще по городу проезжало много телег, запряженных лошадьми. Наш знакомый Шлемо собирал старье и частенько проезжал мимо нашего дома. Здорово было незаметно от кучера пристроиться на телеге сзади и проехаться с грохотом по улице. Не менее любимым занятием было гонять обруч специальной ручкой, изогнутой из толстой проволоки.

В Валге было немало ребят, с которыми я проводил время... В моих воспоминаниях Валга очень тесно связана с велосипедом. Своего велосипеда у меня не было, но я брал его у Залькиных родителей. Это был еще довоенный немецкий велосипед, очень тяжелый, но настолько же и надежный. На нем я гонял по городу и по всей округе. Позднее мы катались с Алькой, но где он брал велосипед, совершенно не помню. Мы совершали с ним и дальние поездки. Помню, как ездили за 30 километров в Тырву, где был мавзолей Баркляя де Толли - героя войны 1812 года.

Мой дедушка Самуил умер рано, в 1957 году. Он был очень больным человеком, знаю, что у него была экзема на руках. Видимо, не только это. После его смерти дом, сад - немалое хозяйство - надежно укрепились на бабушкиных плечах. Быт несколько не изменился. И теперь я понимаю, каких усилий все это стоило. Деньгами мой папа, разумеется, бабушку поддерживал. Но он был с семьей в Петрозаводске, а она с хозяйством в Валге. Так что организовывать все приходилось ей самой: то починку крыши дома, то проводить водопровод в дом от колодца во дворе, то еще что-либо. После смерти дедушки сад постепенно стал приходить в упадок. Уже не было такого множества и разнообразия цветов, исчезло море красных маков. Зато существенно большее пространство стало занимать картофельное поле. Малина, крыжовник и смородина плодоносили по-прежнему, а вот слива, вишня, черешня, да и яблони начали хиреть. Куда-то, видимо не выдержав испытания временем, исчезли беседки. И вообще сад уже не казался таким огромным. Мое детство потихоньку перерастало в юность.

Понятно, что Валгу я любил больше всех других мест. И ездил туда куда как охотней, чем в Казань. А возвращение из Валги в Петрозаводск к началу занятий в школе означало для меня не только конец лета с его прелестной беззаботностью, но и возврат из столь любимого «заграничного» валгаского быта в привычный, но далекий от любви советский круговорот. Нет. Это совершенно не верно, что я не любил свой родной город. Любил да, видимо, и продолжаю его любить. Только теперь уже издали.

Слева - Регина и Алик Ленцнер, Женни Исааковна, Аня и Марк Польшковские. Валга, 1960 г.